

и нужно понимать часто дѣлаемыя гр. Толстымъ въ IV томѣ противопоставленія между «людьми прогресса» и «просто людьми». «У насъ, говорить онъ, есть люди для прогресса, есть готовыя программы для воспитанія людей прогресса, а нѣтъ просто людей, нѣтъ программъ для воспитанія просто людей» (205). Это какъ бы pendant къ тому, что за 100 лѣтъ говорилъ Руссо про своихъ современниковъ: «У насъ есть физики и геометры... а нѣтъ гражданъ».

Вопросъ о томъ, почему наши знанія и искусства ложны, почему—изъ того, что народъ не воспринимаетъ ихъ,—гр.: Толстой заключаетъ о ихъ ложности, онъ разрѣшаетъ тѣмъ, что *ихъ* миллионы, а *насъ* тысячи; что, слѣдовательно, знанія эти и искусства «не хороши, ненормальны; и что намъ надо съ помощью народа выработать себѣ другія, болѣе соотвѣтственныя всѣмъ намъ, и народу, и обществу». (Ясно-пол. шк. за Н.—Дек., 377).

«Картина Иванова возбудить въ народѣ только удивленіе предъ техническимъ мастерствомъ, но не возбудить никакого, ни поэтическаго, ни религіознаго чувства; тогда какъ это *самое* поэтическое чувство возбуждено лубочною картинкой: Иоанна Новгородскаго и чорта въ кувшинѣ. Венера Милосская возбудить только законное отвращеніе предъ наготою, предъ наглостью разврата—стыдомъ женщины. Квартетъ Бетховена послѣдней эпохи представится непріятнымъ шумомъ, интереснымъ развѣ только потому, что одинъ играетъ на большой дудкѣ, а другой на большой скрипкѣ. Лучшее произведеніе нашей поэзіи, лирическое стихотвореніе Пушкина представится наборомъ словъ, а смыслъ его презрѣнными пустяками...» (тамъ же). О томъ, что ему «страшно сказать» относительно поэзіи и музыки—мы уже говорили въ началѣ. Дѣйствительно, страшно сказать; еще страшнѣе согласиться, что такъ легко повидому, если только выпустить хоть на одну минуту изъ подъ ногъ ту почву, на которой рѣшили